

В. И. САЛОВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ И СОВРЕМЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Историзм — один из важнейших принципов марксистско-ленинской методологии истории. Суть историзма, отмечал В. И. Ленин, состоит в том, чтобы «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹. Если историзм в марксистско-ленинском понимании ассоциируется не только с объективной закономерностью исторического процесса и повторяемостью исторических событий и явлений, но и с отображением каждой исторически особенной ситуации, ее уникально-конкретного характера, то в современной буржуазной историографии историзм предстает как понятие, определяемое сугубо субъективным творчеством исследователя. Многие буржуазные авторы отрицают объективную закономерность исторических событий и, несмотря на отдельные оговорки, постулируют неповторяемость событий и абсолютизируют их индивидуальность.

В последнее время заметно возрос интерес к историзму со стороны противников историков-марксистов — буржуазных историков, социологов и философов². Это свидетельствует о растущем значении интерпретации теоретико-познавательных и методологических проблем исторической науки в современном идеологическом противоборстве социализма с капитализмом. Активизируя свою деятельность в области философии и методологии истории, буржуазные идеологи тщетно рассчитывают на то, что в этой сфере марксизм-ленинизм окажется не в силах «одолеть буржуазную науку»³. Поэтому выяснение основных черт современной буржуазной методологии и теории истории приобретает особое значение.

Диаметральная противоположность марксистско-ленинской и буржуазной методологии истории особенно наглядно проявляется в трактовке исторического факта, без которого немислимо само историческое исследование. В подходе к данной проблеме и ее освещении явственно предстает глубоко научный характер историзма в марксистско-ленинском понимании и вместе с тем выявляется несостоятельность всех основных форм нынешнего буржуазного историзма, пронизанного субъективизмом и идеализмом.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 67.

² См. К.-Г. Фабер. *Theorie der Geschichtswissenschaft*. München, 1971; Н. Файн. *Between Philosophy and History*. Princeton, 1971; А. Марвик. *The Nature of History*. London, 1970; «Zur Theorie und Praxis der Geschichtswissenschaft. Festschrift für H. Herzfeld zum 80. Geburtstag». Hrsg. von D. Kurze. Berlin, 1972; Th. Адорно. *Aufsätze zur Gesellschaftstheorie und Metodologie*. Frankfurt a/M., 1970.

³ Н. Сеиферт. *Marxismus und bürgerliche Wissenschaft*. München, 1971, S. 103.

Опираясь на работы советских исследователей, подвергавших критике буржуазную интерпретацию исторического факта⁴, автор данной статьи делает акцент на анализе новейших историко-методологических взглядов наших идеологических противников с целью показать несостоятельность трактовки ими исторического факта, а также выяснить роль правильного понимания исторического факта в современной информационной теории как исторической, так и общественно-политической. Решение этой задачи важно для более активной, углубленной, систематической критики современной буржуазной историографии, на что нацеливают советских историков решения XXIV съезда КПСС, постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве». «Главное в идеологической работе партии,— подчеркивается в резолюции XXIV съезда КПСС по Отчетному докладу ЦК КПСС,— пропаганда идей марксизма-ленинизма, непримиримая наступательная борьба против буржуазной и ревизионистской идеологии»⁵.

* * *

Выявление общего и специфического исторических ситуаций, изучение их в развитии и во взаимосвязи — первейшее и необходимое условие познания исторического процесса и его закономерностей. В. И. Ленин писал: «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»⁶. Основоположники марксизма-ленинизма также подчеркивали значение правильного понимания факта. Во всякой науке, отмечал Ф. Энгельс, «правильная оценка фактов является единственным руководящим принципом»⁷. В. И. Ленин указывал, что «марксизм не основывается ни на чем другом, кроме как на фактах»⁸.

Сразу же подчеркнем, что в исторических работах термин «исторический факт» употребляется в двух значениях: во-первых, как реальное событие, т. е. как факт исторической действительности и, во-вторых, как отражение этой действительности в сознании историка, т. е. как факт знания об исторической действительности. С точки зрения диалектического материализма нельзя отождествлять исторический факт с отражением его в сознании исследователя, со знанием о факте⁹.

Альфой и омегой решения всех теоретико-познавательных вопросов исторической науки, в том числе и изучения ее исходного материала — исторических фактов, является ленинская теория отражения. В. И. Ленин указывал, что «изображение необходимо и неизбежно предполагает объек-

⁴ Из специальных работ, посвященных историческому факту, следует назвать: А. И. Р а к и т о в. Статистическая интерпретация факта и роль статистических методов в построении эмпирического знания. — «Проблемы логики научного познания». М., 1964; В. В. К о с о л а п о в. Факт как основание научного знания. — «Логика научного познания». М., 1965; В. Н. О р л о в. Роль научного описания в историческом исследовании. — «Философские науки», 1966, № 1; В. А. Я д о в. Об установлении фактов в конкретном социологическом исследовании. — «Философские науки», 1966, № 5; В. М. П о д о с е т н и к. Гносеологическое значение фактов в познании общественных явлений. — «Теория познания и современная наука». М., 1967; Л. С. М е р з о н. К вопросу о гносеологической природе фактов науки. — «Ученые записки» ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 365. Л., 1968; Г. М. И в а н о в. К вопросу о понятии «факт» в исторической науке. — «Вопросы истории», 1969, № 2, и др.

⁵ «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 205.

⁶ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 329.

⁷ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 11, стр. 437.

⁸ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 411.

⁹ См. А. Л. Н а р о ч н и ц к и й. О преподавании историографии в высшей школе. — «Вопросы истории», 1973, № 6, стр. 11.

тивную реальность того, что «отображается»¹⁰. Развивая эту мысль, В. И. Ленин писал: «Материализм вообще признает объективно реальное бытие (материю), независимое от сознания, от ощущения, от опыта и т. д. человечества. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества. Сознание и там и тут есть только отражение бытия, в лучшем случае приближительно верное (адекватное, идеально точное) его отражение»¹¹. Лишь руководствуясь этим ленинским указанием, возможно понять исторический факт и как объективную реальность, и как его отражение в сознании исследователя в виде познавательного образа реального, в форме знания о реальном факте¹².

В связи с этим важно отметить, что основоположники марксизма-ленинизма, характеризуя гносеологический аспект исторического факта, на первый план выдвигали проблему объективной реальности этого явления. Сознание, писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии», «никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием... а бытие людей есть реальный процесс их жизни»¹³. Развивая эту мысль, В. И. Ленин ставил вопрос: «По каким признакам судить нам о *реальных* «помыслах и чувствах» *реальных* личностей?» И отвечал: «Такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей... следует добавить еще: *общественные действия* личностей, т. е. *социальные факты*»¹⁴.

Корни исторического факта — в действительно бывшем явлении; это — «кусочек реальности», фрагмент объективного бытия, часть живого потока исторической действительности, подлежащей изучению. Поэтому и знание об историческом факте объективно по своему содержанию, ибо отражает то, что реально существовало в прошлом или существует в нынешней действительности, независимо от его реконструкции и воспроизведения в историческом повествовании. В связи с этим отметим, что основоположники марксизма-ленинизма писали о «специфической логике», «неумолимой логике», «объективной логике» исторических событий и ситуаций. Они призывали «постигать специфическую логику специфического предмета»¹⁵.

Знание о факте отражает реальное бытие, в той или иной мере содержит объективную истину. Ф. Энгельс в письме Н. Ф. Даниельсону в 1892 г., приводя факты, характеризующие положение в России, писал: «Нравятся они нам или нет, эти факты все равно будут продолжать существовать. И чем больше мы отрешимся от своих симпатий и антипатий, тем лучше сможем судить о самих фактах и их последствиях»¹⁶.

Носителем информации об историческом факте служит исторический источник, научный критический анализ которого является необходимым условием историографического процесса. Изучение источниковедческой лаборатории наших оппонентов — одна из важных задач науки об исторических источниках и приемах их выявления, освоения и интерпретации в работах историка. Это самостоятельная отрасль исторической науки и естественно вопрос об исторических источниках как важном элементе познания исторической действительности заслуживает отдельного рассмотрения¹⁷.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 248.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 346.

¹² См. А. И. Данилов. Марксистско-ленинская теория отражения и историческая наука. — «Средние века», вып. 24. М., 1963; Г. М. Иванов. Своеобразие процесса отражения действительности в исторической науке. — «Вопросы истории», 1962, № 12.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 25.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 423—424.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 325.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 312.

¹⁷ См. Г. М. Иванов. Некоторые вопросы гносеологического анализа исторических источников. — «Труды Томского университета», т. 211, 1972.

Если марксистско-ленинская историография исходит из того, что исторический факт существует объективно, то многие представители современной буржуазной историографии постулируют субъективное представление об историческом факте, отождествляют исторический факт с понятием факта, со своеобразным видением и представлением о нем, утверждают, будто исторический факт утрачивает свою коммуникативную связь с реальностью, ибо он не адекватен «действительному положению вещей». Исторический факт, считают они, не существовал в прошлом; его нет и в настоящем; он существует только в сознании историка. Одни буржуазные теоретики рассматривают факт как явление коллективного или индивидуального сознания, другие — как сконцентрированный комплекс волевых актов и психическое событие¹⁸. Для многих теоретиков нынешней буржуазной исторической науки факт — лишь результат мышления, личностное воспроизведение прошлых событий, продукт конструктивной деятельности исследователя, простая абстракция и т. д.

Пожалуй, ярче всего такой подход проявляется в работе К. Беккера «Что такое исторические факты?» (Впервые опубликованная в 1955 г., она была несколько раз переиздана и стала основополагающей в трактовке буржуазными авторами исторического факта.) В ней дается ответ на три вопроса: что такое исторический факт? когда существует исторический факт? где существует исторический факт? Отвечая на первый вопрос, Беккер пишет: «Историк... не может иметь дело непосредственно с самим историческим фактом, поскольку само событие уже исчезло. Непосредственно он может иметь дело не с самим событием, а с заявлением, в котором утверждается, что событие имело место». Здесь явно смешивается исторический факт с отражением факта в сознании историка. Такого рода рассуждения приводят к выводу, будто исторический факт — лишь символ. «Если это так (т. е. исторический факт является утверждением), — резюмирует ход своих мыслей Беккер, — то исторический факт — это не событие в прошлом, а символ, который дает нам возможность воссоздать событие»¹⁹.

Но что такое символ — реальность или условное понятие, отражение действительно происходивших явлений или интуитивное моделирование, некое отождествление желаемого с действительным? Ответ Беккера не оставляет сомнений в том, что «символ исторического факта» — это сугубо интуитивное творение историка, в котором заранее «запрограммировано» личностное восприятие факта. «О символе вряд ли стоит говорить, что он беспристрастный или предвзятый, — пишет он, — опасно говорить даже, верен он или ложен. Безопаснее всего сказать о символе, что он более или менее соответствует (чему-то)». Иными словами, историческое событие — это лишь игра воображения того или иного историка.

Отвечая затем на вопросы «где находится исторический факт?» и «как же может историк оперировать исчезнувшими реалиями?», Беккер также недвусмыслен и категоричен. «Я утверждаю, — пишет он, — что исторический факт существует либо в чьем-либо сознании, либо вообще не существует». Историк, по словам Беккера, может «оперировать исчезнувшими реалиями» потому, что они «уступают место бледным отражениям, неощутимым образам или идеям, и эти слабые отражения или неощутимые образы... являются «материалом» для историка. А где же они находятся, эти слабые отражения и неощутимые образы действительного? Они находятся, как я уже сказал, либо в сознании историка, либо в чьем-нибудь еще сознании, либо их нет вообще». Следовательно, по Беккеру, реальность факта растворяется в сознании историка, в его субъективных эмо-

¹⁸ «Geschichte». Hrsg. von W. Besson. Frankfurt a/M., 1961, S. 82.

¹⁹ C. L. Becker. What Are Historical Facts? — «The Western Political Quarterly», 1955, vol. VIII, № 3. Цит. по: «Ideas of History». Ed. by R. H. Nash, vol. II. New York, 1969, p. 181.

диях. Нетрудно заметить, что попытки Беккера подменить исторический факт его отображением в сознании историка связаны с неокантианскими традициями и традициями эмпириокритицизма, эмпириомонизма и других разновидностей субъективистско-идеалистических философских учений, которые были подвергнуты В. И. Лениным уничтожающей критике за отрицание возможности объективного познания мира.

Эта характерная для многих буржуазных историографов методологическая тональность проявилась и на международных конгрессах исторических наук. «Прекрасно известно, что «факт», «событие», — утверждал итальянский профессор Э. Сестан с трибуны XIII Московского конгресса исторических наук, — не являются реальностью сами по себе. Это — продукт нашего мозга». И далее он добавлял: «Факт является фактом лишь постольку, поскольку о нем помнит и его осмыслил человек». Исторический факт, о котором, по словам Э. Сестана, мы не имеем представления, «не является совершившимся, самое большое — это гипотетический факт»²⁰.

Приведенные высказывания буржуазных историков показывают, что главный тезис в новейшей буржуазной философии истории таков: исторический факт — символ, иероглиф, который имеет иллюзорный характер, «существует в чьем-то уме или же нигде». И факт становится фактом лишь тогда, когда исследователь находит его и извлекает из источника. А до этого данный факт — «мертвый факт», ни в чем не проявляющийся и вообще не существующий.

Марксизм-ленинизм, как отмечалось выше, исходит из совершенно противоположного постулата. Сам по себе факт существует независимо от сознания и соответствует объекту, как часть реального исторического процесса. Но представление о нем вторично, субъективно по своей форме. Факт — предмет и объект исследовательской деятельности. Его познание включает деятельность исследователя (субъекта) и воспроизведение факта не лишено элементов субъективизма. Более того, оно может быть истинным и ложным. Но при этом неверное и извращенное истолкование факта не может повлиять на его объективность. Как указывал Ф. Энгельс, «в любой науке неправильные представления (если не говорить о погрешностях наблюдения) являются в конце концов неправильными представлениями о правильных фактах. Факты остаются, даже если имеющиеся о них представления оказываются ложными»²¹.

Буржуазные философы утверждают, что исторические факты не могут существовать объективно, потому что они якобы в отличие от фактов, имеющих в распоряжении естественных наук, не поддаются строгой проверке и их нельзя воспроизвести экспериментальным путем. Правда, в последнее время стали появляться работы, в которых под влиянием использования электронно-вычислительных машин в исторической науке последняя характеризуется как точная наука²². Но такого рода мнения отвергаются подавляющим большинством буржуазных авторов²³. Хотя факты, которыми оперируют естественная и историческая науки, не являются категориями одного порядка и не обладают одинаковой степенью «точности», они все же равны в том отношении, что существуют до того, как к ним обратился и их реконструирует исследователь. Все дело — в способе их познания.

Для выявления специфики современной буржуазной историографии в трактовке исторического факта следует принять во внимание, что в ней

²⁰ См. E. S e s t a n. *Storia degli avvenimenti e storia delle strutture*. — «Доклады XIII Международного конгресса исторических наук», т. I, ч. I. М., 1973; Э. С е с т а н. *История событий и история структур*. М., 1970, стр. 5—6.

²¹ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 20, стр. 476.

²² V. K r a f t. *Geschichtswissenschaft als strenge Wissenschaft*. — «Logik der Sozialwissenschaften. Hrsg. von E. Topitsch. Köln — Berlin, 1972.

²³ J. R a d k a u. *Geschichtswissenschaft heute. Ende der Selbstmystifikation*. — «Neue politische Literatur», 1972, № 1—2.

нередко преднамеренно стирается различие между понятиями «факт» и «точка зрения на исторический факт». Во многих работах буржуазных авторов обращает на себя внимание одна так или иначе варьируемая риккертianская мысль: сам по себе факт исторической действительности бесполезен и бессмыслен и лишь историк способен расшифровать его, придать ему значение и тем самым «вызвать из небытия», «создать его». Тюбингенский профессор Г. Ротфельс в предисловии к обобщающему труду западногерманских авторов «История», развивая идеи Виндельбанда и Риккерта, утверждает, что события и факты, зафиксированные в исторических источниках, «становятся частью истории лишь в результате отбора, упорядочения и интерпретации, субъективный характер которых строго обусловлен»²⁴.

При этом для некоторых буржуазных авторов характерен уход от методистического объяснения фактов, намеренная неопределенность и полновинчатость в решении методологических вопросов. Профессор Сорбонны Ш. Самаран, характеризуя проблему исторического факта, пишет: «Исторические факты, в чистом понятии этого слова, являются драгоценными атомами исторической реальности, которые затем не без риска и опасности следует объяснить и синтезировать». Но далее реальность факта ставится им в зависимость от оценочного подхода историка к этому факту и потому явным диссонансом звучат его слова: «Все то, что могло бы успешно содействовать познанию прошлого опыта человечества, еще не заслуживает того, чтобы его рассматривать как исторический факт. Необходимо еще для достижения подобного назначения, чтобы этот элемент познания был бы расценен историком как заслуживающий воссоздания его»²⁵.

Именно историк, по мнению буржуазных теоретиков, является непререкаемым арбитром и судьей, которому принадлежит приоритет в толковании и решении вопроса о том, реален или нереален факт, типична или нетипична его сущность. По Э. Сестану, «факт становится историческим, поскольку историк рассматривает его в качестве важного момента в контексте исторической темы, которую ему предлагается изучить и истолковать в пределах predetermined пространственных и хронологических рамок»²⁶. В таком же духе высказывается и профессор Оксфордского университета М. Постан²⁷.

Раз факты лишены объективного содержания, то они и не могут создать картину объективной истины и порождают лишь субъективную истину во всем ее многообразии, в том числе «экзистенциальную истину». «Нет никакой возможности, — говорил западногерманский профессор Г. Риттер, — проверить объективную правильность исторического представления путем сравнения с оригиналом для того, чтобы установить сходство или несходство»²⁸. Нигде, по его мнению, не существует такого оригинала. Лишая историографию возможности распознать истину, буржуазные теоретики лишают и самую историю объективного содержания.

В действительности же историческая истина заключается в соответствии наших взглядов на факт с реальностью его бытия, в достоверности воспроизведения именно типичного факта, в точности его освещения. Положительная наука, писал Ф. Энгельс, выводит «схематику мира» «не из головы, а только *при помощи* головы из действительного мира»²⁹.

²⁴ «Geschichte», S. 9.

²⁵ «Histoire et ses methodes». Paris, 1961, p. 1494.

²⁶ Э. Сестан. Указ. соч., стр. 6; G. Barraclough. History in a Changing World. Oxford, 1957, p. 22.

²⁷ M. Postan. Fact and Relevance. Essays on Historical Method. Cambridge, 1971, p. 51.

²⁸ G. Ritter. Leistungen. Probleme und Aufgaben der internationalen Geschichtsschreibung zur neueren Geschichte. — «Relatione del X Congresso Internazionale di scienze storiche», vol. VI. Firenze, 1955, p. 25.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 35.

В другом месте Ф. Энгельс указывал, что «в любой научной области — как в области природы, так и в области истории — надо исходить из данных нам фактов, стало быть... нельзя конструировать связи и вносить их в факты, а надо извлекать их из фактов»³⁰. Критерий истинности нашей оценки, подчеркивал В. И. Ленин, заключается «не в абстрактных схемах и т. п. вздоре, а в верности и соответствии ее с действительностью»³¹. Познание исторического факта — это специфическое и синкретическое представление исследователя о былом; это — особое видение и образное воссоздание реально данного факта в процессе его генезиса и дальнейшего развития, во взаимосвязи с другими фактами, умение исследователя установить единство в многообразии фактов и найти ему эквивалент в своих представлениях, что и позволяет историкам понять процесс общественно-исторического развития и его закономерности.

Основную задачу историков нынешняя буржуазная историография усматривает в отыскании смысла исторического факта. Сам по себе исторический факт, рассуждают многие буржуазные авторы, лишен какого-либо смысла и ничего не может поведать о том, что произошло, и лишь историк интуитивно может уловить содержание факта и тем самым придать ему «историческую значимость». Беккер декларирует: «Цель, которой задается историк, определяет смысл, извлекаемый им из события. Само событие, сами факты ничего не говорят и не навязывают никаких выводов. Это историк... навязывает смысл фактам»³².

В изучении исторического факта исследовательская мысль имеет «власть» над отражением факта лишь в известных пределах — как субъективное отражение объективного и только. Между тем в буржуазной методологии истории воспроизведение факта ставится в прямую зависимость от представлений исследователя о факте, что ведет к подмене объекта исследования субъектом. По справедливому замечанию английского историка Э. Карра, подобные поиски смыслового содержания исторического факта — это произвольное толкование прошлого³³.

Марксистско-ленинский подход к оценке фактов и их осмыслению дает возможность точно оценить место факта в общем историческом процессе. В марксистско-ленинской методологии изучение фактов предполагает и изучение общих социально-общественных закономерностей. Историк призван выявить из огромной массы фактов самые важные, типичные, избежать обеднения их содержания и систематизировать факты так, чтобы воссоздать объективную картину исторического процесса.

В буржуазной историографии историческому факту нередко приписывается абсолютная самостоятельность, автономная, самодовлеющая сила. Главная задача исторической науки определяется так — отыскать истинную историческую индивидуальность и рассказать о ней. Подобный подход был типичен для представителей неокантианства. Разработанный ими метод основывался на абсолютизации фактографических данных и отрицания генерализирующего характера исторической науки. По словам В. Виндельбанда, «закон и событие сохраняют свое значение одновременно с другим как последние, несоизмеримые величины нашего представления о мире»³⁴. Стремление свести задачу исторической науки к констатации и простой координации различных фактов, к описанию специфических индивидуальных явлений характерно и для нынешних последователей Виндельбанда и Риккерта. Так называемый экзистенциальный историзм, в разработке которого приняли участие такие

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 370—371.

³¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 197.

³² С. L. Becker. Op. cit.

³³ E. H. Carr. What Is History? The G. M. Trevelyan Lectures Delivered in the University of Cambridge. January — March 1961. London, 1962, p. 15.

³⁴ В. Виндельбанд. Прелюдии. Философские статьи и речи. СПб., 1904, стр. 332.

западногерманские философы и историки, как К. Ясперс, Ф. Мейнеке, Г. Ротфельс, К. Хинрихс, В. Хофер и другие, исходит из «благоговения перед индивидуальным, единичным», чуждым «какой-либо детерминированности»³⁵. Характеризуя роль принципа индивидуальности, западногерманский историк Г. Моммзен отмечает: «Историзм... усматривает в единичности и специфичности всех исторических явлений, в их индивидуальности всецело определяющий принцип исторического познания»³⁶. Идею о непреходящей самостоятельности исторического факта отстаивает также английский историк А. Буллок³⁷. Швейцарский историк Г. Люти отводит исторической науке функцию «исторической гигиены», способность отыскать конкретно-специфический факт, который скрыт под «мусором истории». Для того, чтобы историк мог решить эту задачу он, по Люти, должен обладать творческим озарением, даром провидца, умением «придавать форму бесформенной материи». Люти рассматривает историю как хаотичный и бесструктурный процесс, считает бессмысленным создание генерализирующей исторической картины³⁸. Вот к чему в конечном счете приводит идея о самодовлеющем значении исторического факта.

Но многие буржуазные историки, отвергая тезис о примате и самостоятельности фактов в истории, пытаются преодолеть односторонность идеографического метода на основе учения М. Вебера об идеально-типических понятиях в общественных науках (М. Яноски-Бендл, Р. Кениг, И. Винкельман, Ф. Лоос и др.), при помощи «теоретической истории» О. Андерле, «диалектической социологии» Ю. Хабермаса и т. д. Несостоятельность этих попыток отчетливо проявляется в так называемом феноменологическом методе. Наиболее типичным сторонником его является западногерманский профессор Э. Нольте, который в своих многочисленных работах по истории фашизма, используя фактический материал, сделал попытку при помощи «феноменологического метода» объединить индивидуализирующую и генерализирующую концепции. В основе этого «метода», который был охарактеризован даже его коллегами, как «антиисторический»³⁹, лежит так называемое самопонимание действующих лиц⁴⁰, что представляет собой простое пережевывание тезиса В. Дильтея о «вчувствовании», которое якобы определяет процесс познания фактического материала. На деле это приводит к тому, что Нольте, оперируя многочисленными фактами, принимает за основу то, что хотели фашисты внушить о своих кровавых действиях, а не сами их действия. Это и предопределяет несостоятельность всей его схемы. Еще К. Маркс, характеризуя принципы английских витгов, отмечал, что «мы сможем лучше выяснить, кем они являются, на основании исторических фактов, по тому, что они делают, а не по тому, во что они когда-то верили и что хотели бы внушить о своей роли другим людям»⁴¹.

Как известно, Нольте, предававший ранее в своих произведениях анафеме всеобъемлющий характер антикоммунистической доктрины тоталитаризма, выступил с трибуны Московского международного конгресса исторических наук в 1970 г. с требованием возродить ее и грубо клеветал на Великую Октябрьскую социалистическую революцию и совет-

³⁵ H. Rothfels. *Historie und weltpolitische Situation*. — «Aus Politik und Zeitgeschichte», 12.XII.1962, S. 642.

³⁶ «Geschichte», S. 84.

³⁷ A. Bullock. *The Historians Purpose: «History and Metahistory»*. — «History Today», 1951, № 1. Цит. по: «Ideas of History», p. 267.

³⁸ H. Lüthy. *Wozu Geschichte*. Zürich, 1969, S. 18.

³⁹ R. Koselleck. *Wozu noch Historie?* — «Historische Zeitschrift», Bd. 212, 1971, H. 1.

⁴⁰ См. E. Nolte. *Der Faschismus in seiner Epoche*. München, 1964; его же. *Nationalsozialismus und Faschismus im Urteil Mussolinis und Hitler*. — «Faschismus und Nationalsozialismus». Braunschweig, 1964.

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 356.

ский строй, что закономерно вызвало решительный протест большинства членов конгресса.

Некоторые буржуазные авторы признают, что причинная или этнологическая (от греческого *aitia* — причина) функция исторического факта — это его важнейшая функция. Однако отправные моменты в данном случае — идеалистические. Постап верно отмечает, что «история — это определенно нечто большее, чем собрание фактов», что «для историка факты не представляют большой ценности, если они не являются причинами, частью причин или причинами причин того явления, которое он изучает». Развивая свою мысль, Постап, однако, ставит реальность факта в зависимость от исследовательского интереса. Он пишет: «Исторический факт представляет собой не более чем один из наблюдаемых аспектов данного события»⁴². И далее: «А наблюдаемым его [факт] делает его близость к интересу, господствующему в сознании исследователя. Эта близость побуждает историка сосредоточить внимание на данном аспекте для того, чтобы иметь возможность сконцентрировать внимание на чем-то, историк должен быть готов и пренебречь [другими аспектами события]»⁴³. Таким образом, ограниченность идеалистического мировоззрения автора в конечном счете берет верх над рациональным подходом. Познание факта — это прежде всего его изучение как реально данного конкретно-специфического объекта, как первоначальной формы причинно-следственного познания общего исторического процесса.

Реальный исторический факт — конкретен и индивидуален. И поэтому воспроизводимый историками факт характеризуется также конкретно и индивидуально. Именно через многообразие специфических черт исторического факта раскрывается разнообразие особенностей исторической эпохи, культуры, народа, нации, личности. Этим в большой степени и определяется значимость, ценность и полезность исторического факта.

Буржуазные историки используют многообразие подхода к изысканию, вычленению и использованию исторического факта, применяют различные приемы его оценки, объяснения и переосмысления. И среди них — мотивационное объяснение исторического факта, т. е. его объяснение с точки зрения целей и побудительных намерений тех или иных личностей. Этот метод дает определенные результаты, при объяснении локальных и «периферийных» исторических событий, но он несостоятелен при выявлении общей исторической тенденции, закономерностей социально-экономического развития.

Мотивационное истолкование событий зачастую отождествляется с психологическим объяснением их. Эта тенденция сформировалась в конце XIX в. и проводилась вначале опять-таки представителями неокантианства. Под историческим фактом «в наиболее характерном специфическом его смысле» сторонник риккертIANства А. С. Лаппо-Данилевский понимал «воздействие сознания данной индивидуальности на среду, в особенности на общественную среду»⁴⁴. Ныне данная тенденция представлена в буржуазной науке психоанализом, который глубоко проник в сферу буржуазного исторического мировосприятия⁴⁵. Желание представителей психоаналитического историзма всерьез преподнести как реальное то, что, по их мнению, недоступно человеческому пониманию, но все же будто бы существовало в прошлом в виде сугубо личностного и внесоциального, включить это в качестве факта в историю, приводит к ее отрицанию как науки. Для них история возмещает правду извечной неразумности

⁴² М. Постап. *Op. cit.*, p. 51.

⁴³ *Ibidem*.

⁴⁴ А. С. Лаппо-Данилевский. *Методология истории*, вып. II. СПб., 1913, стр. 382.

⁴⁵ См. подробнее В. И. Салов. *Вторжение психоанализа в буржуазную историографию*. — «Новая и новейшая история», 1972, № 4.

бытия. Представитель бихевиоризма Р. Беркхофер пишет: «То, что мы называем историей, в действительности только образ или гипотетическая концепция подлинного прошлого» ⁴⁶.

Некоторые буржуазные историки вкладывают в факты некую сверхъестественную и таинственную силу, придают им мистический оттенок. Но воспринимаемые таким образом исторические факты, взятые вне исторической концепции, без интерпретации представляют собой бессмысленную фактологию. Именно через интерпретационную и оценочную призму автора факты получают выход на общ историческую научную арену. И здесь большое значение имеет умение исследователя в «подземном шорохе истории уловить дыхание факта», определить социальный смысл и сущность, масштабы и горизонты исторических событий.

С этой точки зрения как определенное положительное явление в развитии нынешней буржуазной историологии следует рассматривать взгляды Э. Карра о взаимосвязи фактов и их интерпретации, которые были изложены в лекциях, прочитанных в Кембриджском университете. Отметим, что взгляды Карра отражают эклектизм буржуазного объективизма. «Историк и исторические факты, — пишет английский историк, — необходимы друг другу. Историк без фактов не имеет почвы под ногами, он беспомощен; факты без историка мертвы и бессмысленны». Поэтому, продолжаят он, мой первый ответ на вопрос: «Что такое история?» состоит в следующем: «История представляет собой непрерывный процесс взаимодействия между историком и его фактами, бесконечный диалог между настоящим и прошлым» ⁴⁷.

В ходе этого диалога историк пытается осмыслить время, эпоху и деяния человека, обстоятельства, ситуации и судьбы людей в их взаимоотношениях с фактами. Связывая день минувший и день нынешний, он использует метод упорядочения материала, осмысливает глубину общих исторических перемен, выраженных в богатстве конкретных исторических фактов, устанавливает за явлениями «скрытый порядок». Исторический факт, рассуждает Карр, — это не всякое событие, имевшее место в прошлом, а только такое, которое, по мнению исследователя, исторически значимо: привлекая максимально возможное количество фактов, историк призван «отобрать из них немногочисленные значительные факты и превратить их в исторические факты, а незначительные отбросить как неисторические» ⁴⁸.

По Карру историческая значимость факта непрерывно изменяется, ибо она определяется исторической концепцией историка, его истолкованием исторического процесса. Карр пишет: «История представляет собой интерпретацию, которая есть артериальная кровь истории» ⁴⁹. Масштабы и границы интерпретационной деятельности исследователя, однако, не беспредельны. Хотя историк и дает интерпретацию фактических данных, он, по мнению Карра, не является «тираническим властелином фактов». И далее: «Отношения между историком и фактами — отношения равенства... историк занят постоянным процессом приспособления фактов к своей интерпретации и интерпретации к фактам. Невозможно отдать приоритет ни одному из этих процессов» ⁵⁰.

Однако ни Карр, ни его многочисленные единомышленники — представители буржуазного объективизма — не желают признать, что в интерпретации исторического факта и исторического процесса неизменно присутствует классовая позиция исследователя. Эта позиция может ослаб-

⁴⁶ R. Berkhofer. A Behavioral Approach to Historical Analysis. New York, 1969, p. 12.

⁴⁷ E. H. Carr. Op. cit., p. 24.

⁴⁸ Ibid., p. 9.

⁴⁹ Ibid., p. 18, 23.

⁵⁰ Ibid., p. 23.

лять или усиливать познавательные потенции исследователя, в зависимости от того, интересы какого класса — передового или реакционного — он отражает.

Историки-марксисты руководствуются методологическим указанием В. И. Ленина о том, что принцип партийности обязывает «при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»⁵¹. Развивая эту мысль, В. И. Ленин отмечал, что «нельзя «изучать действительное положение вещей», не *квалифицируя*, не оценивая его по-марксистски, или по-либеральному, или по-реакционному и т. п.»⁵² При этом оценочное суждение об исторических фактах, обладая классово-партийной значимостью, может быть свободным от субъективизма и иметь объективное содержание. Самая глубокая оценка прошлого возможна лишь при условии, если исследователь становится на позиции передового класса, выражающего потребности общественных закономерностей⁵³. Этим классом в нашу эпоху является рабочий класс. Он борется за реализацию объективных закономерностей социального прогресса. И именно идеология рабочего класса, его политического авангарда, именно марксистско-ленинский подход в наибольшей мере обеспечивает истинность представления о фактах и ценностной ориентации в историческом прошлом.

Иное положение в буржуазной историографии, отражающей интересы власть имущих в капиталистических странах. Обращая внимание на социально-классовый аспект в оценке и использовании исторических фактов, В. И. Ленин писал: «Разные люди разное понимают под фактами. Буржуазные журналисты, не стесняясь, лгут, не приводя ни одного *точного*, ясного, допускающего проверку, факта»⁵⁴.

Ленинское положение о классовом подходе к оценке общественных явлений приобретает особую значимость в современных условиях, когда в странах капиталистического мира исторические знания зачастую используются буржуазией в антикоммунистических целях. Оценки воспроизводимых многими буржуазными авторами фактов нередко отвечают лишь потребностям антикоммунистической пропаганды, которая строится на преднамеренно ложной интерпретации реальных фактов. В антикоммунистических вымыслах и фантазиях реакционных буржуазных авторов растворяется «правда фактов».

Тенденция принести «правду факта» в жертву антикоммунизму и превратить знания о фактических данных в орудие антисоветизма особенно четко проявляется в работах буржуазных реакционных советоведов, которые руководствуются идеологией и политикой «холодной войны». Мысль авторов здесь перемещается из мира реальных фактов в мир призраков, порождаемых их антикоммунистическим воображением. Изучение фактов истории нашей страны откровенно подменяется их необъективным и искаженным освещением. Замалчивая важные события и превращая малозначимые факты в сенсационные события, они создают по существу клеветнические произведения. Даже некоторые коллеги по перу этих ярых поборников антисоветизма вынуждены сомневаться в их доказательствах и отмечать, что «истинная подлинность» событий подменяется в данном случае антикоммунистической интерпретацией. Французский прогрессивный историк Ж. Элленштейн в книге «Завоевание власти (1917—1921 гг.)», которая является первым томом его пятитомного труда «История Советского Союза», подчеркивает: «С позиций антисоветизма невозможно написать научно обоснованную историю Советского Союза. Антисоветизм состоит в том, чтобы видеть в ней лишь негативные аспекты,

⁵¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 419.

⁵² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 240.

⁵³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 418, 419.

⁵⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 100.

делать из нее антисоветские и антикоммунистические выводы»⁵⁵. Читателю советоведческих работ, признает американский журнал «Foreign Affairs», «трудно разобраться, где он имеет дело с фактом, а где с домыслом»⁵⁶. В английском еженедельнике «The Times Literary Supplement» в рецензии на одну из книг о В. И. Ленине и Н. К. Крупской отмечалось, что ее автор, пытаясь оправдать свою «враждебную позицию в отношении Ленина», использовал «недостовверные сведения»⁵⁷.

В последнее время буржуазные авторы все чаще оказываются в положении, когда их дезинформационные построения критикуются коллегами по перу не только за антикоммунистический трафарет, но и за алогизм, который является следствием антисоветской и необъективной интерпретации фактического материала. Оценивая работу американского профессора А. Улама «Ленин и большевики», рецензент вынужден был констатировать: «Жаль только, что г-н Улам решил оживить серьезное повествование хлесткими эпиграммами и броскими аналогиями с современностью», что «освобождает автора от какого-либо анализа целей и значения революции в России»⁵⁸. Далее в рецензии говорится: «В общем и целом складывается впечатление, что г-н Улам растратил значительные способности и много серьезного труда не на тот сюжет, на который ему следовало бы их израсходовать»⁵⁹. И это говорится об авторе, который, критикуя своих коллег по советологии, писал о том, что их антикоммунистический ритуал «требует торжественного отречения от историзма». Но и сам противник этого ритуала А. Улам оказался в положении, им же охарактеризованном как «отказ от историзма»⁶⁰.

Бесцеремонно истолковывая исторические факты в угоду антикоммунизму и пренебрежительно замалчивая те факты, которые им не удастся «обработать» в антисоветском духе, реакционные буржуазные авторы в то же время стараются представить дело так, будто именно советские историки стараются обходить факты, не удобные им. Но это заведомая неправда. Советские историки, как и другие историки-марксисты, исходят из ясного ленинского указания: «Точные факты, бесспорные факты — вот что особенно... необходимо, если хотеть серьезно разобраться в сложном и трудном вопросе, сплошь да рядом умышленно запутываемом»⁶¹.

Для воссоздания подлинной исторической картины историки-марксисты стремятся учитывать всю совокупность фактов, составляющих основу истинного знания о прошлом и настоящем. Объективное воспроизведение действительности возможно, писал Ф. Энгельс, только при условии использования «большого, критически проверенного, в совершенстве усвоенного исторического материала»⁶². В другом месте Ф. Энгельс указывал на необходимость установить «связи между отдельными фактами, о которых нужно рассказать, и общими условиями, чтобы, таким образом, выявить в этих фактах все, что в них есть яркого и значительного»⁶³. Историки-марксисты всегда помнят слова В. И. Ленина: «Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения», факты надо изучать «в их целом, в их связи»⁶⁴.

Следуя этим принципам, ни один советский историк, однако, вовсе не претендует на то, чтобы его точка зрения была окончательным выра-

⁵⁵ J. E. L e i n s t e i n. Histoire de l'URSS, t. I. La conquête du pouvoir (1917—1921). Paris, 1972, p. 9.

⁵⁶ «Foreign Affairs», January 1973, p. 433.

⁵⁷ «The Times Literary Supplement», 9.II.1973, p. 144.

⁵⁸ «The Times Literary Supplement», 12.I.1967, p. 30.

⁵⁹ Ibidem.

⁶⁰ A. U l a m. USA — Some Critical Reflections.— «Survey», 1964, № 5, p. 53.

⁶¹ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 350.

⁶² К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. 13, стр. 492.

⁶³ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 4, стр. 218.

⁶⁴ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 350, 351.

жением марксистско-ленинского понимания того или иного вопроса, как это представляют буржуазные историографы. Поэтому попытки буржуазных историографов бросить тень на всю советскую историческую науку на основе некоторых ошибочных суждений отдельных советских историков несостоятельны. Мобилизуя и вводя в историческое повествование новые факты, советские авторы обогащали и продолжают творчески обогащать не только советскую, но и мировую историческую науку.

Это вынуждены признать и наши идеологические оппоненты. Указывая на то, что советские историки используют марксизм-ленинизм как критерий для отбора и толкования фактов, журнал Гарвардского центра «Kritika» отмечает: «Руководствуясь этим кредо, Дружинин и другие [советские историки] добились солидных (иногда очень весомых) достижений». И далее журнал отмечает, что на основе марксистско-ленинской идеологии «ведется действительно историческая работа»⁶⁵. Оценивая третий том «Истории России с древнейших времен до наших дней», профессор Гейдельбергского университета Г. Нейбауэр пишет: «В целом, речь идет о труде, богатом материалом, труде, который представляет собой резюме результатов ранее изданных научно-исследовательских работ»⁶⁶. Английский журнал «Soviet Studies» констатирует, что в IV томе «Очерков исторической науки в СССР» и в сборнике статей под редакцией академика М. В. Нечкиной «История и историки» «фактологическая база получила дальнейшее расширение»⁶⁷.

Признание научной весомости продукции советских историков содержится и в отзывах на конкретно-исторические изыскания советских исследователей. В рецензии на книгу М. И. Михайлова «История Союза коммунистов» (М., 1968), опубликованной в основном органе американских историков «The American Historical Review», отмечалось, что «автор строго придерживается позиций марксизма-ленинизма» и тут же признавалось: «Монография примечательна тем, что в ней подробно рассказывается о сложных и разнообразных течениях в странах Западной Европы, о характере и деятельности различных революционных обществ и связанных с ними выдающихся личностях... В книге приводится огромная масса документальных материалов»⁶⁸. А. Макнел так оценивал книгу Е. И. Дружининой «Южная Украина в 1800—1825 гг.»: «Это внушительный научный труд — плод огромной исследовательской работы, в котором поставлены важные вопросы и сложная динамическая история четверти века изложена со скрупулезной точностью»⁶⁹. В рецензии на книгу В. Т. Пашуто «Внешняя политика древней Руси», напечатанной в журнале «Kritika», подчеркивается: «В книге мы сталкиваемся с армиями, ордами, легионами фактов — фактов из жизни Новгорода, Киева, Галиции, Суздаля, фактов, иллюстрирующих историю Кавказа, Волыни, Прибалтики, Средней Азии». Отмечая, что «книга является результатом колоссального труда, полезной во многих отношениях», рецензент все же пытается бросить тень на объективность марксистско-ленинского исследования: в книге «все факты маршируют в ногу, и на шлеме у каждого из них по маленькой красной звездочке»⁷⁰.

Суммируя подход целого ряда буржуазных авторов к изучению истории, гамбургский историк Г.-В. Хедингер вынужден признать, что субъективизм в их работах решительно потеснил объективную оценку фактов: «Ныне преобладает представление, согласно которому субъективность в конечном счете непреодолима, а поэтому невозможны объективность

⁶⁵ «Kritika», 1968, № 2.

⁶⁶ «Jahrbucher für Geschichte Osteuropas», 1972, H. 3, S. 469.

⁶⁷ «Soviet Studies», January 1969, № 3.

⁶⁸ «The American Historical Review», December 1972, p. 1438.

⁶⁹ «Slavic Review», December 1972, p. 890.

⁷⁰ «Kritika», 1969, № 2.

и признание универсальной значимости исторического познания»⁷¹. И отсюда один шаг до утверждения, будто история не является наукой, что она, по мнению французского историка П. Вейна, — всего лишь «особый способ познания», «произведение искусства», «искалеченное знание», «просто описание без научного метода»⁷².

В нынешней буржуазной историографии отчетливо проступает идея об иррациональном содержании исторического процесса, о некоей роковой роли потусторонних сил, влияющих на историю и превращающих ее в религиозно-мистический поток жизни. По мнению О. Андерле, «следует безоговорочно признать иррациональное содержание истории»⁷³. Все это свидетельствует об углублении методологического кризиса буржуазной историографии и тщетности усилий ее представителей найти выход из этого состояния.

Подведем общий итог. Острый интерес к проблеме исторического факта никогда не угасал, и поныне она по-прежнему стоит на повестке дня, остается эпицентром «подземных» толчков в методологии и гносеологии истории, что и объясняет злободневность ведущихся вокруг нее споров. Противоположность мировоззрений — материалистического и идеалистического — обуславливает и коренное различие в понимании гносеологической теории исторического процесса и в оценке роли исторического факта в его познании. В буржуазной историографии факт трактуется субъективистски и часто приносится в жертву антикоммунизму. Основу же марксистско-ленинских исторических исследований составляют существующие факты прошлого, материалистическая трактовка которых дает возможность с самых передовых общественных позиций воссоздать правдивую, объективную картину исторических событий. И именно в этом заключается одно из объяснений действенности и неисчерпаемости творческих потенций марксистско-ленинской методологии истории.

⁷¹ H. W. H e d i n g e r. Subjektivität und Geschichtswissenschaft. Grundzüge einer Historik. Berlin, 1969, S. 7.

⁷² P. V e y n e. Comment on écrit l'histoire? Essai d'épistémologie. Paris, 1971, p. 8—13.

⁷³ O. A n d e r l e. Das universalhistorische System A. J. Toynbee. Wien, 1955, S. 37; см. также H. W. H e d i n g e r. Op. cit., S. 104—105.